

сма­три­ва­ет­ся ск­во­зь имя соб­ствен­ное (ср. Го­мер = сле­пой пе­вец, соз­да­вший «Ил­лиа­ду» и «Одис­сею»). Ес­ли из­вест­ные при­зна­ки сов­па­да­ют, то об­ъек­ты как бы сли­ва­ют­ся в од­ин. На этом ос­но­вы­ва­ет­ся шу­точ­ное ут­вер­жде­ние, ис­поль­зу­е­мое в ло­гиче­ских «иг­рах», о том, что «Ил­лиа­ду» и «Одис­сею» со­чи­нил не Го­мер, а дру­гой древ­ний грек то­го же и­ме­ни. Ут­вер­жде­ние, ме­ня­ю­щее ат­ри­бу­цию по­э­ма, столь ве­со­мое в си­ту­а­ции эм­пи­ри­че­ско­го зна­ком­ства с обо­ими Го­ме­ра­ми или хо­тя бы ос­ве­дом­лен­но­сти об об­стоя­тель­ствах их жи­зни (ср. важ­ность ус­та­нов­ле­ния то­ждественности Тул­лия Ци­це­ро­ну), ста­но­вится пу­стым и ниче­го не ме­ня­ю­щим в на­ших пред­став­ле­ниях об ав­то­ре прос­ла­в­лен­но­го эпоса, по­то­му что в нем не со­дер­жится ниче­го та­ко­го, что мо­гло бы от­личить од­но­го Го­ме­ра от дру­го­го.

Приве­ден­ный при­мер по­ка­зы­ва­ет, что дей­ствие жест­ких де­сиг­на­то­ров, ус­та­нав­ли­ва­ю­щих ничем не оп­ос­ре­до­ван­ную связь с де­но­та­том, про­ис­хо­дит глав­ным об­ра­зом в си­ту­а­ции при­сут­ствия или зна­ния по зна­ком­ству. Ре­фе­рен­ция же к эм­пи­ри­че­ски незна­ко­мо­му об­ъек­ту не мо­жет осу­ществ­лять­ся в от­влече­нии от име­ю­щих­ся о нем све­де­ний. По­ка­за­тель­но, что ес­ли со­об­ще­ние ка­са­ет­ся лич­но не зна­ко­мо­го ад­ре­са­ту об­ъек­та, о ко­то­ром он, од­на­ко, уже рас­по­ла­га­ет не­ко­то­ры­ми дан­ны­ми, го­во­ря­щий стре­мит­ся вве­сти их в фо­кус па­мя­ти, что­бы свя­зать с ними но­вую ин­фор­ма­цию, ср.: — Хво­рал я, ле­жу, — рас­ска­зы­вал он мне, — при­хо­дит пле­мян­ник Се­мен, *тот — зна­ешь?* — *в ссы­лке ко­то­рый*, он то­гда студент был (Го­рь­кий. «Вре­мя Ко­ро­лен­ко»).

Ес­ли при­менить кон­цеп­цию Кри­пке к об­рисованной выше ин­тро­дук­ции к тек­сту, по­лучи­лось бы, что но­ми­на­тив­ная связь по­дав­ляет и ан­ну­ли­рует так­со­но­мию. Та­кой вы­вод мог бы быть при­ем­лем, ес­ли бы функ­ция суб­ъек­та сводилась к иден­ти­фи­ка­ции пред­ме­та ре­чи, не тре­бу­ю­щей в прин­ци­пе об­ра­ще­ния к зна­че­нию слова. Ме­жду тем роль суб­ъек­та этим не ог­ра­ни­чи­ва­ет­ся. Суб­ъек­т имеет еще од­ну дос­та­точ­но важ­ную за­да­чу — экс­п­ли­ци­ро­вать зна­че­ние пред­ика­та, соз­да­вая для него се­ман­ти­че­ский фон, и эта функ­ция в су­щественной мере обес­печивается так­со­но­мией. Ро­до­вые при­зна­ки пред­ме­та по­э­то­му все­гда очень ясно про­сту­па­ют в и­ме­нах соб­ствен­ных (см. выше). Ско­ль бы ни ме­ня­лись свой­ства Ари­сто­те­ля на про­тя­же­нии его жи­зни и во всех воз­мож­ных ми­рах, пре­дел ва­ры­ро­ва­ния за­дан его при­над­ле­ж­но­стью к че­ло­веческому ро­ду. Перестав быть че­ло­веческим, он перестал бы быть Ари­сто­те­лем. Да­же в по­вествованиях об обо­рот­ных пе­ре­во­пло­ще­нии влечет за со­бой пе­ре­име­но­вание. Обернувшись ко­ш­кой, ма­че­ха не на­зы­ва­ет­ся боль­ше ма­че­хой, хо­тя ее пси­хо­ло­гия и эмо­ции оста­лись не­об­ра­щен­ны­ми. Бы­ло бы стран­но, на­при­мер, ска­зать: *Ма­че­ха вы­пу­сти­ла ко­гти, вы­гну­ла спи­ну и, мя­ук­нув, пры­гну­ла на над­че­ри­цу*. То­лько в Ich-Erzählung, поль­зу­ю­щем­ся ме­сто­име­нием пер­во­го лица, ме­та­мор­фозы не на­ру­ша­ют еди­нства лич­но­сти. По­ня­тие жест­кого де­сиг­на­то­ра тем самым оправ­да­но лишь в ра­мках ес­тественного клас­са: на­личие пря­мой связи с об­ъек­том не ис­к­лю­ча­ет из и­ме­ни (соб­ствен­но­го или на­ри­ца­тель­но­го) так­со­но­ми­че­ских черт, причастных к его па­ра­мет­ри­за­ции (см. выше).

В хо­де ком­му­ни­ка­ции все­гда пред­по­ла­га­ет­ся, что со­беседники имеют об­щие све­де­ния о клас­се, ко­то­ро­му при­над­ле­жит пред­мет ре­чи. По­э­то­му суж­де­ния, в ко­то­рых кон­крет­но­му пред­ме­ту при­писываются при­зна­ки клас­са, вос­при­нимаются ес­ли не как аналитические, то по край­ней мере как не ин­фор­ма­тив­ные. Услы­шав со­об­ще­ние *у это­го ко­та е­сть хвост (усы, че­ты­ре но­ги)*, ад­ре­сат не­пре­менно поин­те­ре­су­ет­ся, ка­ки­ми осо­бы­ми при­чи­на­ми вы­звано та­кое со­об­ще­ние. При­зна­ки, вхо­дя­щие в де­фини­цию клас­са, не при­ня­то пред­и­ци­ро­вать от­дель­ным его чле­нам.

Да­же ес­ли пред­мет, о ко­то­ром идет ре­чь, при­сут­ствует в си­ту­а­ции об­ще­ния, но его при­ро­да (при­над­ле­ж­ность к клас­су) не ула­вли­ва­ет­ся ад­ре­са­том, смы­сл со­об­ще­ния не мо­жет быть им ос­воен в пол­ной мере. Так, на­при­мер, ес­ли о ве­ще­стве та­ин­ствен­ной ка­те­го­ри­за­ции бу­дет ска­зано «Э­то опас­но» или «С э­тим не­льзя шу­тить», то ад­ре­сат, услы­шав пред­сте­